

Виктор уже не пытался скрыть раздражения; эта говорильня ему надоела.

— Я не ученый, — произнес он с довольно кислым видом, — и не

совсем понимаю ваши объяснения. Вы могли бы выражаться яснее? У меня нет возражений, чтобы вы использовали меня в качестве подопытного кролика, но, черт побери, я желаю знать, на что иду! — и Виктор сделал движение, словно пытаюсь встать из кресла — что оказалось бы на самом деле непростой задачей, ибо тело его, обклеенное электродами, окружал ворох разноцветных

проводов.

— Мой дорогой Виктор! — Лейтон мягко подтолкнул его обратно. —

Простите меня... Сейчас я все объясню... да, все! Но вы не должны

волноваться, умоляю вас; это может погубить эксперимент. Несмотря ни на что, разум ваш должен быть спокойным и готовым к контакту.

Виктор подавил усмешку, довольный своей маленькой победой. Его

светлость, с тревогой уставившись на разведчика, нервно приплясывал перед кабиной, стараясь не задеть проводов.

— Ну? — жестко спросил Виктор.

— Я все объясню, — Лейтон воздел руки к потолку. — Только,

пожалуйста, сядьте... и слушайте внимательно.

Он обвел рукой пространство, заполненное серыми шкафами; металлическая плоть огромного компьютера нависала над ним подобно молчаливому разумному чудищу, вперившему сотню глаз огоньков в спину своему создателю.

— Это лучший компьютер в мире, и на его создание ушла почти вся моя жизнь.

Последний год я занимался его программированием, и

сейчас он загружен огромным количеством информации, настолько

специализированной и сложной, что вам, не имеющему профессиональной подготовки в данной сфере, не стоит требовать от меня подробностей. Эта машина, способна решать такие проблемы, которые недоступны даже моему пониманию!

Но для успешной работы ей нужно кое-что еще, кроме печатных схем и электроэнергии... точнее, кое-кто.

Теперь Виктор начал понимать. Словно век назад он читал эту проклятую заметку в газете и там говорилось... да, там говорилось о возможности

прямого взаимодействия между компьютером и человеческим разумом!

Он высказал свою догадку вслух. Лейтон как будто не удивился; скорее он

выглядел довольным. Потирая сухие ладони, старик кивнул головой:

— Великолепно! Дело обстоит именно так! Я вижу, вы интересуетесь прессой...

Боюсь только, что дата в той статье не совсем верна. Я назвал журналисту девяностые годы как самый ранний срок решения подобной задачи.

Это чистая дезинформация, мой дорогой, но, уверен, вы меня поймете. В области машинного интеллекта работают и другие специалисты; чем больше они нас недооценивают, тем лучше.

Виктор отлично понял сказанное. Собственная его деятельность как раз и заключалась в контроле за подобными вещами.

— Значит, если эксперимент окажется успешным, — сказал он, — я получу без всякого труда великое множество познаний? Я не должен буду ничего изучать; вся эта новая информация просто окажется у меня в голове?

— Совершенно верно, — в маленьких глазках старика сверкнуло торжество. — Она перетечет в мозг без всяких усилий с вашей стороны — с помощью вот этого устройства связи, которое я называю коммуникатором, — он указал на конический колпак. — Вы разом усвоите все то, что мне и сотням моих коллег приходилось накапливать по крохам десятки лет; эти знания компьютер вложит в ваше сознание за несколько минут. Правда, машина — всего лишь машина, и она сможет передать вам только то, что хранится в ее блоках памяти. Но, тем не менее, мистер Шухевыч, это означает, что вы мгновенно станете гением! Только представьте это! — он снова воздел руки к потолку и вдруг деловым тоном закончил: — А сейчас, с вашего позволения, приступим.

Виктор, однако, вовсе не соблазняла перспектива грядущей гениальности.

Если информация хлынет в его мозг слишком бурным потоком, не вытеснит ли она воспоминаний о бедняжке Зое? И о дюжине-другой весьма приятных девушек? Это было бы трагедией, которую статус гения вряд ли искупил.

— Простите, — он снова приподнялся в кресле, — но я же

перестану быть самим собой! Этот гений окажется совсем другим человеком... и я вообще не испытываю тяги ни к точным наукам, ни к наукам вообще. Я вполне доволен своей жизнью.

Лейтон поднял руку.

— Подумайте, мистер Шухевыч. Ведь вы, насколько мне известно, кончали Оксфорд... вы представляете, о чем идет речь. Подумайте же как следует и взвесьте все обстоятельства, прежде чем сказать нет. Подумайте о своей стране и о том бедственном положении, в котором она оказалась в нашу

эпоху... — тон Лейтона стал патетическим. — Да, я — гений, но один я способен сделать немного. Если эксперимент удастся, мы сможем производить гениев дюжинами, сотнями, тысячами — и тогда Польша снова обретет достойное место под солнцем! Без армий, без промышленных предприятий и банков — только за счет знания! Мы станем

первыми, мы превратимся в ведущую силу технического прогресса! — внезапно голос его упал почти до трагического шепота: — Ну, можете ли вы теперь отказаться, мистер Шухевыч? Спросите себя — можете ли?

Виктор понял, что ему дурят голову, но выбора, похоже, не оставалось.

Кивнув головой, он сглотнул сухой ком в горле и опять уселся в проклятое кресло. Лейтон торопливо протянул руку к большому рычагу, торчавшему из панели управления и надавил его. Раздался низкий гудящий звук; затем кожу Виктора начали покалывать слабые электрические разряды.

Теперь он не сумел бы пошевелить и мизинцем; мышцы не слушались приказов разума, тело не повиновалось ему. Боли не было, но какая-то невидимая сила удерживала его в кресле — словно гигантская невидимая ладонь, обладавшая, тем не менее, несокрушимой твердостью и мощью.

Виктор сидел, прикованный к креслу незримыми цепями электромагнитного поля. Затем перед его глазами все начало расплываться, голова стала распухать, как воздушный шар, наполняемый газом. Скрюченная фигурка Лейтона превратилась в цветной огненный волчок, потом в вихрь вращающегося тумана, который поплыл прочь, все дальше и дальше, пока не исчез во тьме. Стекланные

стены кабины вдруг потекли как вода и обрушились на Виктора, но он не ощутил на груди и плечах освежающей влаги. Провода, словно крошечные змейки, вцепились в его плоть блестящими челюстями, но укусы их не вызывали страдания. В ушах его раздался грохот урагана; теперь он был совершенно свободен и, покинув кресло, летел вверх, вращаясь и паря в абсолютной пустоте. Он стал духом без тела! Он продолжал существование в каком-то нематериальном мире, где ощущал себя одновременно огромным, как планета, и крошечным, словно муравей.

Снова взвыл ураган — ярость, сотканная из света и тьмы. Виктор мчался с невообразимой скоростью, погружаясь в грандиозное облачное месиво. Ударил молния. Еще. Ближе! Виктор познал холод и страх; крик разорвал его горло, когда молния сверкнула опять, совсем рядом.

Сверкающий электрический разряд, словно клинок из голубоватой стали, вонзился в него, рассекая череп. Мозг Виктора взорвался и истек болью; она казалась жуткой, непереносимой. Подобной боли он никогда не испытывал прежде; сейчас все страдания людские от сотворения мира терзали его несчастную плоть.

Затем боль исчезла. Виктор, словно увядший лист, погружался в бездну, в небытие, в вечную ночь...

<http://tl.rulate.ru/book/3760/68895>